А я люблю свою Сибирь

А я люблю свою Сибирь,
Иных краёв я и не знала.
Уж сотни лет мне эта быль
Как будто на душу упала.

Как в тех походах с Ермаком,
Хлестал в лицо мне ветер судеб.
Я знала, ведала о том:
Земля та Родиной мне будет.

Она казалась мне чужой,
Она была мне незнакома.
Но сотни лет строкой одной,
И я с тобой, Сибирь, я – дома!

Он так прекрасен этот дом,
Он так велик и так просторен.
И вольно жить мне в доме том,
Ведь в сердце путь к нему проторен.

Здесь сок берёзовый так пьян.
За горизонтом не угнаться.
Еловый воздух чист и прян,
Что нету сил им надышаться!

Здесь мчишь в машине меж полей
И тонешь в бесконечных нивах.
Вдали же мчит табун коней,
Невероятных, белогривых!

Ты сознаёшь, то – облака,
То преломляет свет пространство…
Но – мчатся кони Ермака,
Наперегонки со мною мчатся!

И в землю втоптанный ковыль
Пшеницей прямится до края.
Как я люблю тебя, Сибирь!
Другой любви я не желаю.

Мой город

Я вернулась к тебе, милый город,
Возвратилась в твои этажи.
Говорят, для людей ты как робот:
Есть дома, только нет, мол, души.

Что дома словно тёмные глыбы,
Где живут лишь людские грехи.
А прохожие – сонные рыбы:
Что плывут по теченью реки.

Эти реки, ах улицы – реки.
И озёра твоих площадей,
И устало прикрытые веки
В электричках мелькнувших людей.

Милый город, ах добрый мой город,
Город непробиваемых стен.
Пусть твой век будет счастлив и долог:
Я – вернулась! Вот только зачем?

Может, плыть по осенним ненастьям,
Заслоняя глаза козырьком.
И витрины, забитые счастьем,
Что б глотали меня целиком?

Иль бродить по ночным переулкам,
Иль плутать в лабиринтах судьбы,
Чтоб шаги, монотонно и гулко,
Признавались в дочерней любви.

Ведь люблю! И люблю суеверно!
Хоть не очень ты ласков со мной.
Ты – мой выбор, те самые стены,
За которыми мир и покой.

Город юности, город прекрасный,
Я вернулась в обитель свою.
Добрый, светлый, капризный и властный!
Но ты – мой! И тебя я люблю!

Городской поэт

Городские улицы и улочки,
Сколько в вас поэзии и тем:
Даже Лель, играющий на дудочке,
Городской сегодня шоумен.

Он забыл зелёные долины,
Он оставил рощи и леса.
Чубчик золотой его, былинный,
Городские радует сердца.

Он – поэт и просто добрый гений,
Бард, певец и хижин, и дворцов.
Музыка, стихи и исполнение
В сердце зарождающихся строф.

Он везде, где души наши маются
От глухой невысказанности чувств.
Он встаёт, идёт и представляется:
Я – поэт, я деятель искусств.

Он вскипает творческой гордыней,
Он вбирает сотни атмосфер.
Он – поэт – ценитель тонких линий,
Призрачно колеблющихся сфер.

Он горит строкою беззаветной,
Ратует с подмостков и трибун.
Он идёт от тишины рассветной
В глубину умов, сердец и дум.

Он скользит то лучиком, то тенью
По потёмкам улочек кривых.
Он – певец и, может быть, Есенин,
Деревенщик судеб городских.

Ах, ему бы русскую рубаху,
Да гармонь, да растянуть меха.

Уж не дал бы он, ни в пляске, маху
И подавно, в ноте, петуха!
Уж сыграл бы – устояли б еле! –
На гармошке с кнопочками в ряд…
И смеются дудочки-свирели,
И сердца влюблённые горят!

Разгулялась душа

Разгулялась душа по-над пропастью,
Не боится душа высоты.
Ах, душа моя, к богу ли, в гости ли,
Захотела безвременно ты?

Ах, душа моя, ты не заглядывай
В беспредельную вязкую глубь.
Ах, душа моя, ты не загадывай:
Мне не скоро ещё утонуть.

Утонуть в поднебесности розовой,
В млечной, всё исцеляющей мгле,
Чтобы ангелы рифмой ли, прозой ли,
Там пропели о вечности мне.

Вы пока… не спешите, родимые,
Берегите свои голоса.
Не короткой дорогой, а длинною,
Я на ваши взойду небеса!

Не гуляй ты, душа, по-над пропастью,
В гости к богу, душа, не спеши.
Что с того, что виски уже с проседью…
Ты дыши, давай, глубже дыши!

Фонари

Утро, морозец, а с неба снежок,
Словно развешан пуховый платок –
Ангельских крыльев, невинных, белей
В призрачном свете ночных фонарей.

Ранние люди, следы на снегу.
Я по следам этим снежным бегу.
Мне же навстречу бегут фонари,
Много успеть им ещё до зари.

Строгие стражи полночных витрин,
Улиц, проспектов, домов и машин.
Правозащитники длинных теней,
Прячущих страхи в проёмах дверей.

Быстро ныряющих в утренний мрак
Злых оправданий и яростных врак.
С твёрдой презумпцией в зрительный зал:
Нет, не светил и свечу не держал.

Утро, румяные щёки – ожог.
Падает с веток пуховый платок,
Падает, тает, шуршание шин...
Слякоть, светает, потоки машин.

Картина Айвазовского

Застывшая волна – картина Айвазовского,
Девятый вздыблен вал, и суть обнажена:
Как трудно осознать и как забыть не просто:
И через сто веков не опадёт она.

И сто веков́ носим безумным упованьем
Бедняга-флибустьер, вцепившийся в бревно.
И гребень той волны, вскипающий рыданьем:
– Соломинка, держи! – Иного не дано…

Ариаднова нить

Вот тронулся поезд, и в то же мгновенье,
Как будто открылось, как свет, озаренье,
Как вскрик, как движенье души –
Куда ты, постой, не спеши!

Но – поздно! Уже застучали колёса:
Как больно, как жалко, как глупо, как просто –
Летит за верстою верста,
Такая вокруг пустота.

Мне спрыгнуть бы с поезда, мне б возвратиться:
Припасть, пригубить, преклонить, прислониться.
И пить, из источника пить.
Но рельс, ариаднова нить,

Ведёт лабиринтами лже-этикета.
Сухи и бездумны и платим за это.
И время не остановить,
Стальная натянута нить!

Как в масло! И – надвое жизнь разделила!
Не станет, как надо, не будет, как было…
И сердце застыло, молчит:
Не верит, не ждёт, не стучит!

Позднее лето

Тронулось золотом позднее лето,
Смотрится в зеркало женщина где-то.

Смотрится в зеркало, горько вздыхая:
– Я ведь такая ещё молодая!

Я молодая душой, да и телом –
Волосы рыжие тронулись белым.

Засеребрились стрелы-проборы,
Мстительной осени злые укоры.

Позднее лето – всё же не осень,
Трещинкой в сердце – первая проседь…

Чуточку красок, кошечкой гибкой –
Тронулось небо светлой улыбкой,

Рыжим и жёлтым мир наполняя:
Ах, красота! Красота неземная!

Снег с небес

Ах, как падает снег с небес,
Как грехи с причастившихся душ.
Белым-белым осыпан лес,
Белый-белый на ветках пух.

Ели-девы парят в серебре,
Околдованные зимой.

В серебристой мерцающей мгле
То ли хохот, а то ли вой…

Может, плачет замёрзший Лель,
Может, вьюга кружит волчком,
Или стелет метель постель,
Чтоб на ней прикорнуть потом.

Девятнадцатое, декабрь.
Образ чудный в душе возник:
Как когда-то в седую старь –
В белом облаке – светлый лик.

Красота тешит глаз и слух,
Чудотворец глядит с небес.
Белый-белый на ветках пух,
Белым-белым осиян лес…